

ДИСКУРС УКРАИНСКИХ ЭЛИТ В ОТНОШЕНИИ ТЕРРИТОРИИ И НАСЕЛЕНИЯ ДОНБАССА 2009-2018 ГГ.: АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНОГО СЕКМЕНТА FACEBOOK

А.А. Токарев

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Конфликт на юго-востоке Украины приобрёл затяжной характер, прежде всего, в силу отсутствия консенсуса между ключевыми игроками. Украинские элиты и общество не сформировали консолидированной позиции по отношению к Донбассу. В исследовании предпринята попытка ответить на вопрос: каковы специфика и динамика дискурса украинских элит в отношении Донбасса за последние 10 лет? Целью исследования является анализ семантики, частотности и эмоциональности двух магистральных дискурсов (в отношении населения и территории Донбасса) в динамике при помощи анализа национального сегмента Facebook. Данная работа была проведена в несколько этапов: с ноября 2016 г., когда мы с коллегами начали мозговые штурмы, по май 2018 г., когда были получены финальные графики: выделение лидеров мнений в соцсети, скачивание их постов с 1 января 2009 г. по 15 февраля 2018 г., вычленение из дискурса постов, посвящённых Донбассу, создание вокабуляра, позволяющего дифференцировать дискурсы по степени их эмоциональности, оценка степени их частотности, объяснение динамики дискурсов. Базой данных выступают 653 662 739 символов на семи языках из 1 069 687 постов 376 топ-блогеров украинского Facebook, скачанных и проанализированных при помощи информационно-аналитической системы «Семантический архив». Результаты анализа показывают, что, во-первых, «рождением» дискурсов о территории и населении является рубеж 2013-2014 гг. – до этого частота упоминаний Донбасса почти равна нулю. Во-вторых, в отличие от территории в отношении населения присутствует значимый негативный дискурс, причём он немного усилился в относительной степени после 2014 г., но существовал всегда. В отношении территории, напротив, дискурс ненависти практически отсутствует. Основным является нейтральный дискурс. В самом начале рассматриваемого периода он вытесняет позитивный дискурс, показывая, как велика неопределённость в отношении территории, сохраняя свою относительную долю, начиная с января 2011 г. Количество позитивных и негативных дискурсов по отношению к территории кратно меньше, чем в отношении населения, что позволяет сделать выводы о высокой степени неопределённости элит по отношению к территории и низкой вероятности перехода этого нейтрального дискурса в позитивный.

УДК 327.56, 316.472.47

Поступила в редакцию 15.10.2018 г.

Принята к публикации 29.11.2018 г.

Ключевые слова: анализ социальных сетей, Facebook, Украина, конфликт, Донбасс, сентимент-анализ, контент-анализ.

Конфликт на Донбассе имеет затяжной характер, прежде всего, из-за отсутствия консенсуса между ключевыми игроками. Россия заинтересована в сохранении Донбасса в рамках украинского государства, но с такими полномочиями, которые позволят местным лидерам блокировать сближение Украины с НАТО, что явным образом противоречит российским национальным интересам. Украина, напротив, дискурсивно всячески подчёркивает целостность «государственного тела» и юридический суверенитет Киева над конфликтными территориями, но де-факто не стремится принимать отдельные районы Донецкой и Луганской областей (далее – ОРДЛО) под свой контроль. США стремятся сохранить, если и не ситуацию масштабной войны, то высокий уровень напряжённости на российско-украинских границах и – шире – внутри Европы, чтобы не допустить сближения России и «старой» континентальной Европы, России и Китая, геополитическое и экономическое соперничество с которым будет основным фактором, определяющим внешнюю политику США в первой половине XXI в. ДНР и ЛНР не готовы к реинтеграции, во-первых, в украинское государство, т.к. оно не способно предоставить гарантии безопасности их элитам, во-вторых, – в украинское общество, т.к. оно воспринимает население Донбасса в большинстве своём в качестве «террористов».

Украинские элиты и украинское общество не знают, что делать с Донбассом. Официальная пропаганда направлена на поддержание приемлемого уровня ненависти к России как «агрессору» и участникам ополчения ДНР и ЛНР как «террористам» и «участникам бандформирований», управляющимся «напрямую из России» и сформированным «преимущественно российскими военными или наёмниками». Тотальное упрощение реальной картины – характерная черта современного украинского общества. С одной стороны, и власть, и общество сходятся в том, что «Донбасс – это наша территория, и её необходимо возвращать». С другой стороны, конкретные предложения и стратегии в отношении возвращения ОРДЛО под контроль Киева и, что важнее, – в отношении населения Донбасса, украинские элиты не обсуждают. Малейшие намёки на необходимость переговоров с непризнанными республиками или важность того, чтобы учесть мнение России, как это предлагали, например В. Пинчук, Н. Савченко или В. Медведчук, принимаются мейнстримом в штыки, а их выразители объявляются «предателями», «нерукопожатными» и пр. Опираясь на отдельные сообщения, раскручиваемые в СМИ, можно заключить, что Украина думает только о «тотальном завоевании подконтрольных террористам территорий тогда, когда США и Европа поставят летальное оружие и неофициально дадут «добро» на операцию по боснийскому сценарию». Однако проведенное исследование показывает, что это не так.

Написание данной статьи мотивировано следующим исследовательским вопросом: каковы специфика и динамика дискурсов украинских элит в отношении Донбасса за последние 10 лет?

Для того чтобы ответить на него, необходимо было:

1) сформировать две базы данных (БД): а) список крупнейших блогеров национального сегмента Facebook, отобранных по определенным критериям; б) массив из всех написанных ими постов, начиная с 1 января 2009 по 15 февраля 2018 г.;

2) сформулировать набор синонимов, позволяющих выявить регионализацию внутри общего дискурса, в т.ч. выделить объект «Донбасс». Провести несколько итераций, уточняя каждый поисковый объект;

3) сформировать третью БД, вычленив из общей БД с постами те, которые посвящены Донбассу;

4) создать словарь дискурса по отношению к территории и населению Донбасса посредством мозгового штурма, в котором участвовали бы в обязательном порядке сами граждане Украины;

5) посредством сентимент-анализа дифференцировать полученный словарь на отдельные дискурсы. Проранжировать каждый из них по степени эмоциональности на цифровой шкале для оценки степени их частотности;

6) при помощи машинного анализа выявить частотность каждого из дискурсов и визуализировать её при помощи графиков;

7) объяснить динамику каждого из дискурсов, сопоставляя пики частотности их использования с событиями.

В отношении методологии представленного исследования необходимо сделать несколько оговорок. Во-первых, это не классический дискурс-анализ, а анализ дискурса/дискурсов, отобранных по единственному общему признаку – площадке опубликования (Facebook). Несмотря на то, что «не-нейтральность языка» – именно то, что нас интересует, три измерения дискурса – коммуникативное (дискурс как посредник), семиотическое (дискурс как пространство) и когнитивное (дискурс как глубина) [7] – остаются за рамками внимания. Использование критического дискурс-анализа Т. ван Дейка невозможно как минимум, потому что объём собранной базы данных не позволяет считать её обычным текстом. Во-вторых, не имея под рукой подходящего метода для анализа огромного объёма текста в почти 700 млн символов, пришлось разработать свой метод¹. В-третьих, данное исследование носит сугубо прикладной характер. Оно не предполагает широких теоретических обобщений, поскольку имеет узкий предмет (дискурсы украинских элит в отношении конкретного региона). Разработанный метод может применяться в дальнейшем для анализа конкретных

¹ Подробнее об ограничениях ИАС «Семантический архив» см. раздел «Сложности операционализации при машинном анализе данных»: Токарев А.А. Дискурс украинских элит в отношении территории и населения Донбасса (2009–2018): исследование национального сегмента Facebook. Семантика, частотность, эмоциональность, регионализация. Монография / Алексей Токарев. Москва: МГИМО-Университет, 2018. С. 14-16.

политических трендов в социальных сетях, например, армянской «революции» 2018 года. В-четвёртых, понятие «дискурс» здесь используется в самом широком смысле. В терминах Ф. де Соссюра можно сказать, что дискурс представляет здесь не набор правил (т.е. язык), а речь (индивидуальное использование языка в повседневности). Именно поэтому разделение одной общей «речи» из 1 млн 69 тыс. постов на семь «дискурсов» осуществлено исключительно по статистическим (положение на шкале эмоциональных оценок после сентимент-анализа проведённого экспертами), а не лингвистическим основаниям.

При работе с большими объёмами неструктурированных данных выявляется противоречие между методологическими подходами дискурсологов и политологов/международников. Первые могут на основании анализа пяти названий телесюжетов и пяти газетных заголовков² говорить об «образе беженцев в российских СМИ». К небольшим по объёму текстам, стоящим после этих заголовков, коллеги вполне способны применять методы классического дискурс-анализа. Когда перед политологом стоит задача анализа не десяти текстов, а более миллиона, едва ли он надеется хотя бы прочесть их, не говоря уже о вдумчивом анализе. Классический количественный контент-анализ вполне может применяться в данном случае в качестве метода (что и будет продемонстрировано в данном исследовании). В общем виде дилемма, стоящая перед учёным, выглядит так: большая глубина анализа vs. большая широта анализа. В первом случае мы делаем глубокие выводы на основании незначительного корпуса текстов, во втором – наоборот.

После Евромайдана начал формироваться корпус исследовательской литературы о влиянии социальных сетей на эти события [9; 14; 17]. Попытка провести количественный контент-анализ украинских социальных сетей была предпринята М. Минаковым. Украинский коллега исследует частоту упоминания менее десяти слов, разбивая употреблявших их пользователей на базовые кластеры «сепаратисты» vs. «украинцы» [15]. Вряд ли на основании столь незначительной выборочной совокупности можно делать выводы о дискурсе больших общностей. Коллеги из ИСП РАН разработали специальный метод анализа социальных сетей с помощью «фреймворка», с помощью которого осуществляется поиск и анализ аккаунтов в Facebook и Twitter по установленным демографическим группам [3].

Существует большое количество западных исследований, посвящённых Facebook в самых разных отраслях науки, от математики до психологии. Исследуются влияние этой социальной сети на учёбу в университете и позиционирование себя в социуме, конкуренция между Facebook и прочими соцсетями, страницы муниципалитетов в Англии и даже аккаунты отдельных банков [19]. Хороший обзор научной литературы в рамках сетевого похода вообще и анализа социальных сетей, в частности, сделан Д. Мальцевой [5]. Обзор исследований

² Гзверева Н. Способы репрезентации беженцев в российском публичном пространстве. Беженцы в российских СМИ: не своя катастрофа. Гефтер. URL: <http://gefeter.ru/archive/18823> (дата обращения: 01.12.2018).

социальных сетей в рамках четырёх подходов (структурного, ресурсного, нормативного и динамического) представлен Т. Батурой из СО РАН [2]. Собственную интересную методiku исследования сетевых дискуссий в Twitter разработали коллеги из НИУ ВШЭ [6].

Сентимент-анализ постов, опубликованных в ходе Евромайдана, представлен в исследовании Б. Этлинга [10]. В данном случае автор делает акцент на связи языка постов (русского, украинского и английского) с их содержанием. Это хорошо фундированное исследование, основанное на отлично проработанной методологии, с одним лишь упущением: автор не обозначает источники поиска постов, используя общие фразы о «Facebook, Twitter и блогах», хотя и говорит о цифрах в сотни тысяч постов. Контент-анализ топовых украинских политиков в Facebook сделала А. Горошко [11]. Его явный минус опять же состоит в небольших масштабах – украинская коллега исследует лишь десять аккаунтов. Кроме того, она анализирует только общедоступную статистику профилей – данные о том, сколько оригинальных постов создают десять украинских политиков, а сколько являются репостами, представляются научно малозначимыми. Одно из исследований российских учёных было посвящено изучению протестного поведения в социальных сетях во время Евромайдана. [1]. Украинский кризис рассматривается в количественном исследовании С. Пашахина из НИУ ВШЭ [18]: на основании 45 000 текстовых материалов сайтов «Первого канала» и украинского «Пятого канала». С одной стороны, контент-анализ даёт представление о наиболее употребимых словах и специфике редакционной политики в отношении освещения конфликта на каналах, близких к власти. С другой стороны, остаются вопросы, насколько результаты исследования двух каналов можно экстраполировать на медиа-политики обеих стран и должен ли быть контент-анализ дополнен другими методами.

Почему украинский Facebook? Аргументация выбора

Тезис о многократно возросшей роли Интернета (и социальных сетей) в общественной жизни, особенно после событий «арабской весны», не требует доказательств. Позиция российского государства, выраженная главой Роскомнадзора А. Жаровым, отражает реальность: «Как показывает практика организации массовых беспорядков в России, в том числе прошлогодние события в Западном Бирюлеве, на Манежной площади, или зарубежные примеры – в Турции, в Великобритании, на Ближнем Востоке, в Греции, на Украине, – социальные сети играют организующую роль»³. К примеру, 54 из 70 протестов в Египте с 2004 по 2011 г. были организованы онлайн [13, с. 232]. С другой стороны, чиновники часто воспринимают Facebook как источник всех бед, хотя он – не более, чем инструмент.

³ Мухаматулин Т. 2014. 10 лет назад появилась социальная сеть Facebook. Доступ: https://m.gazeta.ru/science/2014/02/05_a_5880181.shtml (проверено: 8.07.2018).

В России социальные сети являются вторичным инструментом общественной коммуникации для политиков по сравнению с их интервью и сообщениями «источников» на телевидении и в прессе. Поэтому топ-политики крайне редко ведут свои аккаунты в социальных сетях самостоятельно. На Украине, напротив, власть и лидеры общественного мнения в буквальном смысле «живут» в Facebook. Эта сеть служит одним из важнейших инструментов их взаимодействия с обществом в целом и своими избирателями, в частности. Многие топ-овые политики ведут аккаунты самостоятельно, что делает Facebook важным каналом коммуникации и формирования новостного потока. О многих политических событиях украинцы узнают именно из социальной сети.

Для того чтобы продемонстрировать роль Facebook в украинском обществе, лучше всего обратиться к статистике. Facebook является лидером среди всех социальных сетей и занимает третье место по частоте заходов среди всех сайтов, уступая лишь Google и Youtube. В 2017 г. число пользователей этой сети достигло 9 млн в 42-миллионной стране⁴, год спустя — 11 млн, т. е. четверти населения — речь идёт о зарегистрированных аккаунтах (количество ботов, по некоторым оценкам, может достигать половины). Причём основной рост в 2,5 млн пользователей пришёлся на май, когда официальный Киев запретил использовать российские социальные сети (к примеру, Instagram за лето-2017 вырос почти в два раза: с 3,7 млн пользователей до 6 млн). Частота заходов в Facebook стабилизировалась в последние полтора года после запрета, и составляет 60–65%. Это значит, что 2/3 интернет-пользователей Украины ежедневно используют этот сайт.

Украинское общество принимает активное участие в политике по важнейшим государственным вопросам. Поэтому Facebook можно назвать зеркалом украинской политики. Если какого-то события или процесса не видно в этой сети, значит оно не имеет политического значения. Так, ни один из множества планов по реинтеграции Донбасса оказался не замечен блогосферой. Facebook был, безусловно, главным каналом коммуникации на Евромайдане⁵. Собственно, первый Евромайдан в ноябре 2013 г., начался как раз с призыва украинского журналиста в Facebook. Как пишут сами украинцы, «в тот вечер пост собрал более тысячи лайков, около 900 репостов, 1200 комментариев и несколько тысяч людей на Майдане. Сейчас такое количество реакций на пост Найема считается обыденностью»⁶. Как напоминает А. Ронжин из университета Бильбао, «благодаря использованию Facebook и Twitter, украинский протест стал не только одним из самых массовых в Европе за последнее время, но и самым социальным» [19].

⁴ Здесь и далее цифры статистики см. подробнее в Социальные сети на Украине до и после запрета российских ресурсов: Токарев А.А. Дискурс украинских элит в отношении территории и населения Донбасса (2009–2018): исследование национального сегмента Facebook. Семантика, частотность, эмоциональность, регионализация. Монография / Алексей Токарев. — Москва: МГИМО-Университет, 2018. — С. 22–25.

⁵ В официальном украинском дискурсе эти события и последовавший за ними государственный переворот называются «Революция достоинства».

⁶ Пашинська А. 2017. Анатомія українського Facebook. Боти політиків, рейтинги, перемога на виборах. Доступ: https://espreso.tv/article/2017/12/13/reytyng_ukrayinskogo_facebook (проверено 15.01.2018).

М. Макдаффи и Дж. Такер прямо указывают, что «в 2013 г. Facebook был главной платформой для политических дискуссий и ресурсом номер один для посещения среди независимых сайтов внутри Украины, несмотря на то, что наиболее посещаемой социальной сетью (и вторым после Google по частоте заходов) была российская «ВКонтакте»») [14, с. 173]. «На протяжении всех протестов Facebook, похоже, был основным сайтом для организации и координации ресурсов и событий, хотя Twitter и «ВКонтакте» также сыграли свою роль... – пишут они далее. – На главной странице «Евромайдан» собралось огромное количество юзеров, установив рекорд для роста в Украине. В течение двух недель на странице было более 125 000 подписчиков, и эти цифры продолжали расти в ходе протестов. В отличие от Facebook, Twitter, похоже, был менее значим для фактической организации протестов и материалов. Большинство постов, размещённых в Facebook, были репостнуты в Twitter» [14, с. 174].

Интересен вопрос – почему именно Facebook сыграл ключевую роль в организации Евромайдана, а не Twitter или ВКонтакте? В сравнении с «арабской весной» украинский казус выглядит особо. В Африке американские социальные сети создавали альтернативную диссидентскую реальность. А. Хондкер метко назвал её «виртуальным гражданским обществом», доказывая, что оно появляется, когда в стране наблюдается явный недостаток свободы слова [12, с. 680]. На Украине, несмотря на неопатримониальный характер политического режима, связанный с функционированием множества патрон-клиентских связей между государством и финансово-промышленными группами (ФПГ), дефицита свободы слова и конкуренции в медиа никогда не наблюдалось. Тем интереснее социокультурные аспекты роли Facebook в протестах, поскольку никакой питательной среды для возникновения в социальных сетях некоей альтернативной реальности не существовало: в традиционных медиа власть и отбивалась, и критиковалась, а различные оппозиционные группировки имели все возможности для зарабатывания очков. Согласно данным О. Онуч из университета Манчестера [17], полученным в ходе фокус-группового исследования, Facebook был основным уникальным каналом коммуникации в рамках Евромайдана, уступая лишь комбинированному радио и телевидению: 37.2 % опрошенных сообщили, что они протестуют, по крайней мере частично, в результате чтения на Facebook того, что перепостили их друзья.

Таким образом, чтобы понимать дискурс украинских элит, необходимо исследовать именно Facebook.

Формирование списка аккаунтов

Очевидно, что итоговый список из 376 блогеров не является исчерпывающим. Наверняка на Украине существует ещё несколько десятков или даже сотен людей, которые в той или иной мере оказывают влияние на формирование общественного мнения. Вопрос «кого считать интеллектуальной элитой?» имеет

множество ответов. Во-первых, далеко не все, кто внесён в список, являются интеллектуалами – часть из них, бизнесмены, селебритиз, военные или националисты, которые стали известны совсем не благодаря усилиям мозга. При этом критерий профессиональной занятости для включения в список не будет работать для всех случаев: к примеру, известный певец Святослав Вакарчук или шоумен Владимир Зеленский имеют влияние на массовое сознание украинцев гораздо большее, чем большинство депутатов Верховной рады и членов кабинета министров. Во-вторых, существует обратная зависимость увеличения количества блогеров от снижения барьера френдов: чем ниже эта граница, тем больше людей может быть включено в список для исследования. В рамках второй-третьей волны исследования, снижая барьер, мы столкнулись с дефицитом популярных блогеров внутри украинского политикума: в нынешнем созыве ВРУ есть с десятков депутатов, у аккаунтов которых число подписчиков от 1000 до 0. В-третьих, исследование исключает из поля зрения читательского внимания тех интеллектуалов, которые не имеют аккаунта в Facebook. В-четвёртых, наверняка остаются блогеры с числом подписчиков 5000+, не включённые в исследование. При этом среди политической, медийной, финансово-промышленной и военной элиты мы охватили большинство. Как минимум, это подтверждается источником «Топ-300 Facebook Украины», из которого в нашем списке присутствуют все блогеры⁷ (надёжность источника вызывает вопросы).

Наконец, количество подписчиков является непостоянной характеристикой аккаунтов в списке. К примеру, между второй и третьей волнами, т.е. апрелем 2017 и январём 2018 гг., количество подписчиков Анатолия Шария выросло с 203 264 до 261 852 чел. В данном случае убеждён, что точность не важна, поскольку, во-первых, украинский Facebook постоянно растёт, соответственно, обновляя в бóльшую сторону числа подписчиков у большинства из топовых аккаунтов. Во-вторых, они остаются влияющими на общественное мнение акторами вне зависимости от увеличения числа читающих их.

Итак, при постановке задач и отработке методологии мы с коллегами помнили, что а) Facebook не является единственным каналом коммуникации с населением; б) мы не охватываем всех интеллектуалов, формирующих политическую повестку, и всех лиц, принимающих решения; в) даже в рамках обозначенного нами барьера в 5000+ подписчиков в итоговый список вошли не все неполитические блогеры; г) далеко не все блогеры вели аккаунты на протяжении всего исследуемого периода, что обуславливает неравномерное распределение общего дискурса по годам (чем позже, тем больше объём); д) количество подписчиков – непостоянная величина, кроме того, не все из них – уникальные пользователи, поскольку часть является ботами.

Таковы основные ограничения репрезентативности и оговорки, о которых следует помнить при дальнейшем чтении. Кроме того, исследование трендов

⁷ Топ-300 украинского Facebook. 2017. Доступ: https://microtargeting.com.ua/?sort=-fact_reach (проверено 20.02.2018). (01.11.2017 - 07.11.2017). Доступ: <https://microtargeting.com.ua> (проверено 8.07.2018).

внутри других каналов коммуникации (прежде всего, телевидения и прессы), безусловно, влияло бы на репрезентативность. Но, во-первых, украинские телевизор и газета едва ли будут иметь противоположные тренды по отношению к национальному сегменту Facebook, скорее, они повторяют их. Во-вторых, огромный объём собранной БД позволяет, не забывая вышеупомянутые важные ограничения, считать исследование успешным, отвечающим на сформулированные вначале вопросы и решающим поставленные задачи. На настоящем этапе можно уверенно утверждать, что 1 069 687 постов этих 376 чел. за последние 10 лет репрезентативно отображают мнение украинских элит о населении и территории Донбасса.

Сам список формировался в несколько этапов. На первом при помощи мозгового штурма мы с коллегами набросали список тех украинских лидеров общественного мнения, которых смогли вспомнить, получив 116 позиций. Потом мы разослали этот список коллегам с просьбой верифицировать, что увеличило его до 135. В дальнейшем мы использовали различные украинские неакадемические публикации, посвящённые составлению всевозможных «топов» украинского сегмента социальной сети⁸ – на первом этапе в исследовании участвовало 175 аккаунтов. На втором этапе мы добавили в список депутатов ВРУ и глав ОГА, что увеличило его до 239 позиций. На третьем этапе нам помог список «Тор Facebook-страниц украинского политикума (01.11.2017 – 07.11.2017)», в котором, как уверяли авторы исследования, «собраны Big Data со всего украинского сегмента Facebook. Мы посчитали настоящие охваты публикаций страниц и то, насколько они действительно популярны»⁹. Особо подчеркну, что методология исследования публично недоступна, а сам ресурс носит, прежде всего, коммерческий характер, не имея отношения к академической науке. Таким образом, к финалу работы со списком мы достигли значения в 555 аккаунтов, 179 крайних строк в котором не включены в машинный анализ, поскольку эти аккаунты имеют менее 5000 подписчиков. Таким образом машина выкачивала посты 376 блогеров, написанные с 1 января 2009 г., когда на Украине появился Facebook,

⁸ Исследованиями эти журналистские материалы мы называем с очень большой натяжкой. В отсутствие серьёзных академических проектов, посвящённых украинской блогосфере, мы пользуемся тем, что есть в публичном доступе Рейтинг популярных сайтов. Доступ: <https://tns-ua.com/news/rejting-populyarnih-saytiv-za-listopad-2017> (проверено 15.09.2017). Рейтинг самых популярных аккаунтов политиков и блогеров Украины в Facebook в августе 2015 года. – Politolog.net. Доступ: <http://politolog.net/ukrnews-php/rejting-samyx-populyarnyx-akkauntov-politikov-blogerov-ukrainy-v-facebook-za-avgust-2015-g/> (проверено 17.09.2017). Рейтинг самых популярных аккаунтов политиков и блогеров Украины в Facebook в мае 2015 года. – Биржевой лидер. Доступ: <http://antikor.com.ua/articles/45909-nazvany-populjarnye-akkaunty-politikov-i-blogerov-ukrainy-maja-2015-g-v-facebook> (проверено 10.11.2017). ТОП-20 украинских политиков по приросту подписчиков на Facebook. – ЛігаБізнесІнформ. Доступ: <http://biz.liga.net/all/it/stati/3056600-pomeryalis-facebookom-kto-iz-politikov-luchshiy-bloger-v-2015-om.htm> (проверено 21.11.2017). Топ-300 украинского Facebook. Доступ: https://microtargeting.com.ua/?sort=-fact_reach (проверено 20.02.2018). ТОП-50 украинских блогеров в Facebook и Twitter. – Рейтинг НВ. Доступ: <http://nv.ua/publications/virtualnye-geroi-politiki-i-zhurnalisty-tesnyat-pop-znamenitostey-v-facebook-i-twitter-infografika-nv-22945.html> (проверено 15.12.2017).

⁹ ТОР FACEBOOK-СТРАНИЦ УКРАИНСКОГО ПОЛИТИКУМА (01.11.2017 - 07.11.2017). Доступ: https://microtargeting.com.ua/?utm_source=espresso&utm_medium=link&utm_campaign=rating&utm_content=12.17&sort=rating&page=1 (проверено: 8.07.2018).

по 15 февраля 2018 г., когда мы решили, что наша методология достаточно адекватна, чтобы прекратить работу над ней и запустить выкачку постов. Так мы получили 1 069 687 постов объёмом в 653 662 739 символов. Для понимания масштабов я разделил их на объём авторского листа в 40 000 знаков. 16 341 авторский лист, т.е. более 16 000 ВАКовских статей – объём нашей БД.

Методология сентимент-анализа дискурса о населении и территории Донбасса

Исследование дискурсов при помощи сентимент-анализа было многоэтапным. На первом мы использовали метод «снежного кома», спросив 35 человек, живущих на Донбассе, как на Украине называют их и территорию. Опрос не кодифицировался – мы просто сохраняли новые словоформы как часть вокабуляра. Каждый респондент рекомендовал следующего. Часть нашей команды просмотрела случайным образом выбранные 500 постов в каждом году: всего 5000 постов на предмет поиска слов-маркеров в отношении территории и населения. Так мы получили набор из 283 синонимов (91 – про территорию, 192 – про людей)¹⁰. Те синонимы, которые были присланы на русском, в обязательном порядке переводились на украинский. И наоборот (см. таблицы 1-2¹¹). Поэтому общее число синонимов для включения в поисковый объект составляет 566.

Таблица 1. Синонимы, посвящённые территории, кластеризированные при помощи сентимент-анализа

Table 1. Synonyms for territory clustered by sentiment-analysis

Шкала	Русскоязычный вариант	Украиноязычный вариант	Кол-во слов	Русскоязычный вариант	Украиноязычный вариант
От -2 до -1,5	Нов...ия, Бы...енд, Да...ия, Л...он	Нов...ія, би...енд, Да...ія, Л...он	9	Нов...*, Бы...енд*, Да...сс*,Л...он*	Новов...*, би...*, Да...*, Л...он*,
От -1,5 до -0,9	Ка...ан, До...э, обитель зла, «р...ий мир»	Ка...ан, До...е, оселя зла, ру...ій мір	21	Ка...ан*, Дон...*, обител* зл*, ру...* мир*	Ка...ан*, До...*, осел* зл*, ру...* мір*

¹⁰ Здесь снова необходимо сделать отступление: безусловно, данный список синонимов не является исчерпывающим. С учётом того, что большинство из тех словоформ, что нам присылали, преимущественно обценные, и мы вообще никогда их не слышали, потенциал украинцев по использованию русского и украинского языков неисчерпаем. Тем не менее, полагаю, что общая картина соотношения позитивных и негативных дискурсов вполне может быть ясна, исходя из результатов нашего анализа.

¹¹ Для примера оставлены по 3-4 синонима и их количество слов в каждом из интервалов, чтобы не выйти за разрешённый объём статьи. Количество слов оставлено реальным. Реально используемую в отношении жителей Донбасса обценную лексику журнал не может привести полностью в силу этических соображений и ограничений законодательства РФ.

Шкала	Русскоязычный вариант	Украиноязычный вариант	Кол-во слов	Русскоязычный вариант	Украиноязычный вариант
От -0,9 до -0,3	псевдо-квази-республики, Януковичленд, Ахметовленд, вотчина Януковича, махновщина	псевдо-квази-республіки, Януковичленд, Ахметовленд, вотчина Януковича, махновщина	17	псевдо-квази-республик*, Януковичленд*, Януковичлэнд*, Ахметовленд*, Ахметовлэнд*, вотчин* Янукович*, махновщин*	псевдо-квазі-республік*, Януковичленд*, Ахметовленд*, вотчин* Янукович*, махновщин*
От -0,3 до 0,3	регион Ахметова, ОРЛО, ОРДЛО, Домбасс, ДонБосс	регіон Ахметова, ОРЛО, ОРДЛО, Донбас / Домбас, ДонБосс	22	регион* Ахметов*, ОРЛ*, ОРДЛ*, Домбасс*, ДонБосс*	регіон* Ахметов*, ОРЛ*, ОРДЛ*, Донбас*, Домбас*, ДонБосс*
От 0,3 до 0,9	ЛНР, ДНР, Новороссия, Восточный регион	ЛНР, ДНР, Новоросія, Східний регіон	14	ЛНР*, ДНР*, Новоросс*, Восточн* регион*	ЛНР*, ДНР*, Новорос*, Східн* регіон*
От 0,9 до 1,5	Донбасский край, Донецкий край, наша земля	Донбаський край, Донецький край, наша земля	7	Донбасск* кра*, Донецк* кра*, наш* зем*	Донбаськ* кра*, Донецьк* кра*, наш* земл*
От 1,5 до 2	город шахтёрской славы	місто шахтарської слави	1	город* шахтёрск* слав*	міст* шахтарськ* слав*

Таблица 2. Таблица. Синонимы, посвященные людям, кластеризированные при помощи sentiment-анализа

Table 2. Synonyms for population clustered by sentiment-analysis

Шкала	Русскоязычный вариант	Украиноязычный вариант	Кол-во слов	Русскоязычный вариант	Украиноязычный вариант
От -2 до -1,5	у...ны, лишне... бы...о, бы...о сс...о, пи...сты	у...ни, зайве... бы...о, бы...о сс...е, пі...сти	67	у...н*, лишнех...* бы...*, бы...* сс...*, пи...*	У...*, зайвех...* би...*, би...* сс...*, пі...*
От -1,5 до -0,9	отброшенный г..., да...ие янучары, уркаганы, гопота обыкновенная, урки, ва...ые обыватели	відкинутий г..., да...і янучари, вуркагани, гопота звичайна, урки, ва...і обивателі	554	отброшенн* г...*, да...* янучар*, уркаган*, гопот* обыкновенн*, урк*, ва...* обывател*	відкинут* г...*, да...* янучар*, вуркаган*, гопот* звичайн*, урк*, ва...* обивател*
От -0,9 до -0,3	москалы, можемповторить, мотороллы, люди Яныка, захарченки	москалі, можемповторити, мотороли, люди Яника, захарченки	24	москал*, можемповторит*, моторолл*, люд* Янык*, захарченки (морф)	москал*, можемповторит*, моторол*, люд* Яник*, захарченки (морф)
От -0,3 до 0,3	регионалы, жители с реки Кальмиус, повстанцы, донецкие пацаны	регіонали, мешканці з ріки Кальміус, повстанці, донецькі пацани	14	регионал*, жител* с рек* Кальмиус*, повстанц*, донецк* пацан*	регіонал*, мешканц* з ріки Кальміус*, повстанц*, донецьк* пацан*

Шкала	Русскоязычный вариант	Украиноязычный вариант	Кол-во слов	Русскоязычный вариант	Украиноязычный вариант
От 0,3 до 0,9	бедолаги, луганчане, бедняги, заложники, переселенцы	бідолахи, луганчани, бідолашні, заручники, переселенці	23	бедолаг*, луганчан*, бедняг*, заложник*, переселенц*	бідолах*, луганчан*, бідолашн*, заручник*, переселенц*
От 0,9 до 1,5	шахтёры, горняки, металлурги, украинские парни и девчата, украинцы	шахтарі, гірники, металурги, українські хлопці та дівчата, українці	9	шахтёры / шахтеры (морф), горняк*, металлург*, украинск* парн* и девчат*, украинц*	шахтарі (морф), гірник*, металург*, українськ* хлопц* та дівчат*, українц*
От 1,5 до 2	трудовой Донбасс	трудоий Донбас	1	тудов* Донбасс*	тудов* Донбас*

После того как мы получили 283 синонима, встала задача по их этической оценке. Была предложена простая шкала, где -1 обозначает негативное отношение, 0 – нейтральное, +1 – позитивное. Однако, когда каждый из нас проставил значения для пробных 100 слов, выяснилось, что даже внутри нашего небольшого исследовательского коллектива наблюдается значительный разброс мнений. Так возникло две идеи. Во-первых, провести большую дифференциацию дискурсов, добавив по ещё одному интервалу на полюсах. Во-вторых, объективизировать собственные оценки, подключив к исследованию несколько десятков коллег.

Каждое из слов мы предложили оценить им по шкале от -2 до +2: «Если оно кажется вам положительным, ставьте +2, нейтрально-положительным +1, нейтральным – 0 и т.д.». В экспертном опросе участвовали 69 коллег из России, Украины и Донбасса, которым мы гарантировали анонимность. Мы старались подбирать тех коллег, которые, по нашему мнению, хорошо понимают русский и украинский язык, чувствуют его, способны провести тонкую дифференциацию дискурсов.

Прошедшие четыре года сильно изменили не только обывателей, но и учёных, некоторые из которых больше не разделяют принципы нахождения «над схваткой» и сохранения уважительного отношения к коллегам, несмотря на их гражданство. Тем не менее, 14 граждан Украины согласилось участвовать в нашем опросе. Кроме них анкету заполнили пятеро представителей ДНР. К нашему удивлению, нашлись люди, которые ставили положительные значения совершенно обценным терминам, меняя статус исследующих на исследуемых. Тех коллег, которые ставили высокие положительные оценки подобным словам, мы исключили из исследования, оставив в итоге 69 человек.

Об общих результатах можно судить, во-первых, по количеству слов в дискурсах (см. таблицы 11-12). В негативных дискурсах намного больше слов, чем в позитивных. «Трудовой Донбасс» как самый положительный синоним вообще находится в одиночестве – сравните с объёмом фантазии украинских блогеров в отношении обценной лексики в адрес территории и населения Донбасса. Во-

вторых, тот факт, что слова «люди», «украинцы», «луганчане», «шахтёра» и прочие, являющиеся абсолютно нейтральными по смыслу, перешли в категорию положительных, заставляет посмотреть на полюс отрицательности. На фоне «дебиллов с мазохистскими подходами» и «недоношенных макак» и они смотрятся верхом человеколюбия. В-третьих, средний балл по территории: -0,4, по жителям: -0,9, общий: -0,73. Положительное отношение со стороны украинской блогосферы здесь найти трудно.

Интервальная шкала была поровну поделена на семь дискурсов: от -2 до -1,5; от -1,5 до -0,9; от -0,9 до -0,3; от -0,3 до 0,3; от 0,3 до 0,9; от 0,9 до 1,5; от 1,5 до 2. Слова и фразы с соответствующими оценками были помещены внутрь интервалов и предложены системе в качестве поисковых объектов. После этого мы смогли посмотреть на частотность каждого из семи дискурсов.

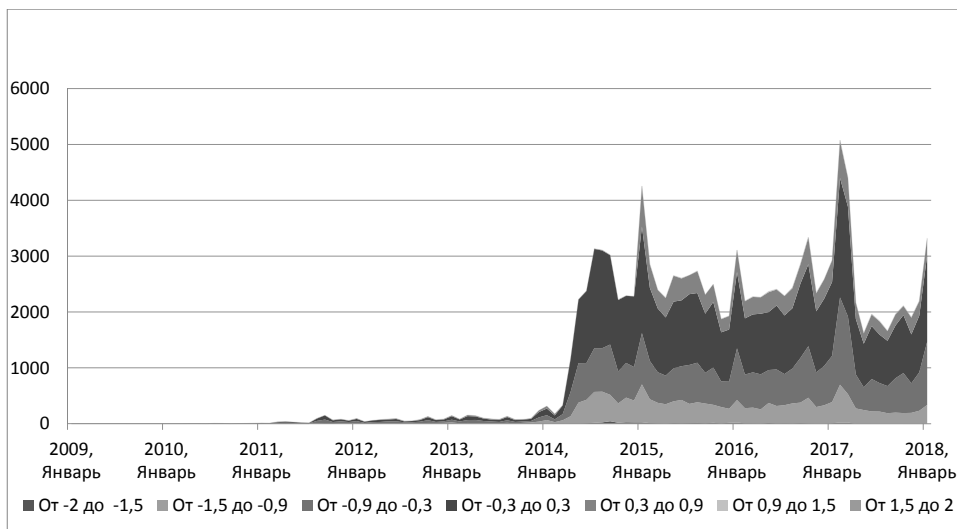

Рис. 1. Визуализация частотности синонимов о территории по итогам сентимент-анализа

Figure. 2. Visualization of the synonyms' frequency about the territory based on sentiment-analysis

Общая черта на обоих графиках: «рождение» всех дискурсов в январе 2014 г. (на рисунках 1 и 2 в середине нейтральные дискурсы, наверху позитивные, внизу негативные). Рубеж 2013-2014 гг., тлеющий «Евромайдан», окончившийся государственным переворотом, и начало крымской операции ВС России, крайним образом изменили рассматриваемые дискурсы. Территория и население Донбасса ворвались в повестку, взрывным образом символизируя бифуркацию рубежа 2013-2014 г. После января 2014 г. различия на графиках состоят в явной определённости элит по отношению к населению. Количество нейтрального (тёмно-серого) дискурса минимально на рисунке 2. В отдельные пиковые моменты он попросту исчезает, будучи «прокальваемым» негативными дискурсами, которые

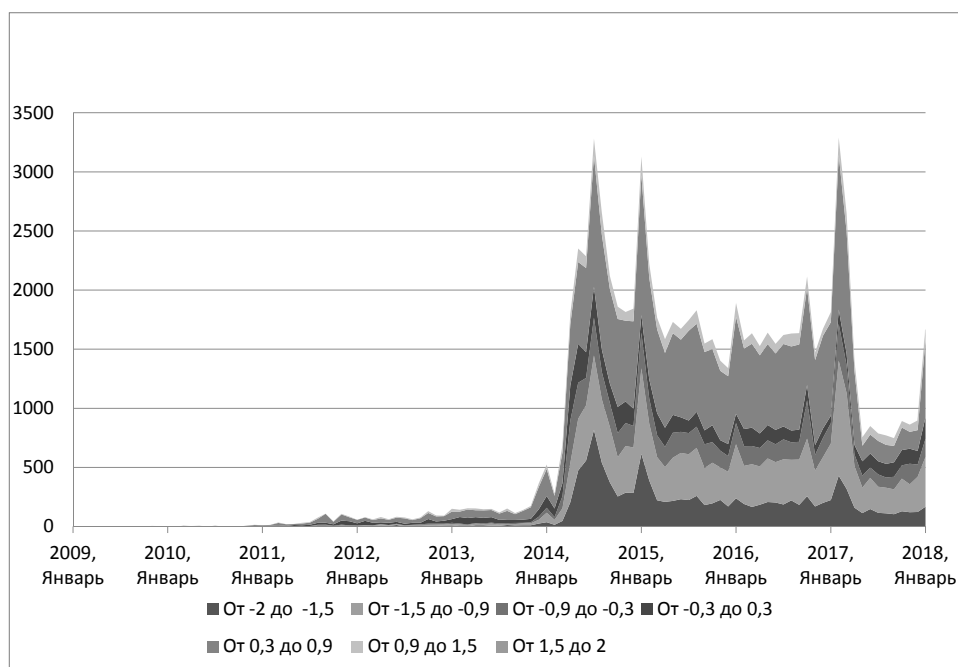

Рис. 2. Визуализация частотности синонимов о населении по итогам сентимент-анализа

Figure. 2. Visualization of the synonyms' frequency about the population based on sentiment-analysis

смыкаются с нейтрально-позитивным светло-серым. Самый позитивный дискурс отсутствует в принципе. Это неудивительно, учитывая, что в него по итогам сентимент-анализа была включена лишь одна единица («трудовой Донбасс» – см. таблицу 2). В отличие от территории в отношении населения присутствует значимый негативный дискурс.

В отношении территории, напротив, негативный дискурс практически отсутствует. Основным является серый нейтральный дискурс. В самом начале рассматриваемого периода он вообще вытесняет позитивный дискурс, показывая, как велика неопределённость в отношении территории, сохраняя свою относительную долю, начиная с января 2011 г. Количество позитивных и негативных дискурсов по отношению к территории кратно меньше, чем в отношении населения, что позволяет сделать выводы о высокой степени неопределённости элит по отношению к территории и низкой вероятности перехода этого нейтрального дискурса в позитивные, поскольку по сравнению с графиками «Население» на «Территории» явно заметно доминирование негативных дискурсов над позитивными. Отношение к населению предельно поляризовано, отношение к территории характеризуется неясностью.

Три максимальных пика внимания в отношении населения приходятся на август 2014, январь-февраль 2015 (Иловайский и Дебальцевский котлы) и

январь-март 2017 г. (блокада Л/ДНР со стороны партии «Самопомощь» и «ветеранов АТО»). В целом пики внимания сохраняют относительное распределение дискурсов. Исключение составляет лишь пик в конце лета 2014 г., когда рост нейтрального дискурса заместил собой позитивный дискурс. Во всех остальных случаях соотношение цветов изменяло расположение в пространстве, но между собой они соотносились прежним образом, что позволяет сделать вывод об устоявшемся отношении лидеров общественного мнения к территории и населению в последние четыре года.

База данных, которую мы собрали в поисках ответа на достаточно узкий исследовательский вопрос, огромна. Эта БД лежит на сервере МГИМО и ждёт своего звёздного часа. Спросят ли её об отношении Украины к России с обязательным акцентом на объяснение динамики? Или о восприятии украинскими элитами «крымской весны» (а ответы будут не так однозначны, как кажется на первый взгляд)? Захотят ли углубить моё поверхностное представление о регионах Украины, попробовав кластеризировать их на основе частотности упоминания событий вместо стандартных географических, экономических и лингвистических характеристик? Смогут ли увидеть больше, чем семь дискурсов? Попробуют ли исследовать не то, что писалось, а тех, кто писал? В эти почти 700 миллионов символов заложены ответы на ещё не заданные вопросы, позволяющие понять то, что и как писали украинские элиты в последние 10 лет.

Список литературы:

1. Азаров А.А., Бродовская Е.В., Дмитриева О.В., Домбровская А.Ю., Фильченков А.А. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере евромайдана, ноябрь 2013 г.) // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 3. С. 36 – 74.
2. Батура Т.В. Методы анализа компьютерных социальных сетей // Вестник НГУ. Серия: Информационные технологии. 2012. Т. 10. № 4. С. 13 – 28.
3. Коршунов А. Анализ социальных сетей: методы и приложения // Труды института системного программирования РАН. 2014. №1. С. 439 – 456.
4. Лысенко М.В., Давыдов А.А. Египетская революция в Твиттере – безмасштабная сеть? // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011. М.: Изд-во ЛКИ, 2012. С. 307 – 312.
5. Мальцева Д.В. Сетевой подход как феномен социологической теории // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 3 – 14.
6. Нигматуллина К.Р., Бодрунова С.С. Методика качественного анализа дискуссий в Twitter // Медиаскоп. 2017. Вып. 1. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2293> (дата обращения: 08.07.2018).
7. Пахалюк К. Что значит изучать политический дискурс? Некраткий обзор теорий и методов // Гефтер. 18.05.2018. Режим доступа: <http://gefeter.ru/archive/24982> (дата обращения: 01.12.2018).
8. Balci Ş., Gölcü A. The Role and Impacts of Social Media in Social Movements: “Example of the Arab Spring” // The Asian Conference on the Social Sciences 2013. Official Conference Proceedings. May 2013. Osaka, Japan. Pp. 269-281.
9. Bohdanova T. Unexpected revolution: the role of social media in Ukraine’s Euromaidan uprising // European View. 2014. Vol. 13. Pp. 133-142.
10. Etlings B. Russia, Ukraine, and the West: Social Media Sentiment in the Euromaidan Protests. Berkman Center Research 2014. №. 2014-13. 14 p. DOI: 10.2139/ssrn.2501761
11. Goroshko O. Leaders 2.0 through Crisis Communications in Ukraine: Or Facebook in

- Use // Chorzowskie Studia Polityczne. 2014. № 8. Pp. 177–197.
12. Khondker H.H. Role of the New Media in the Arab Spring // Globalizations. 2011. Vol. 8. No. 5. Pp. 675–679.
 13. Lim M. Clicks, Cabs, and Coffee Houses: Social Media and Oppositional Movements in Egypt, 2004–2011 // Journal of Communication. 2012. No. 62. Pp. 231–24.
 14. MacDuffee Metzger M., Joshua A. Tucker Social Media and EuroMaidan: A Review Essay // Slavic Review. 2017. Vol. 76. No. 1. Pp. 169–191. DOI: 10.1017/slr.2017.16
 15. Minakov M. Novorossiya and the Transnationalism of Unrecognized Post-Soviet Nations // Transnational Ukraine? Networks and Ties that Influence(d) Contemporar Ukraine. Ed. by T.Beichelt, S.Worschech. Stuttgart: Ibedem, 2017. Pp. 68–88.
 16. Lutsevych O. How to finish a revolution: Civil society and democracy in Georgia, Moldova and Ukraine. Chatam House, 2012. 20 p.
 17. Onuch O. EuroMaidan Protests in Ukraine: Social Media Versus Social Networks // Problems of Post-Communism. 2015. Vol. 62. No. 4. Pp. 217–235.
 18. Pashakhin S. Topic Modeling for Frame Analysis of News Media // Proceedings of the AINL FRUCT 2016. Pp. 103–105.
 19. Ronzhyn A. The use of Facebook and Twitter During the 2013–2014 Protests in Ukraine // Proceedings of the European Conference on Social Media. Ed. by Rospigliosi A., Greener S. Brighton, UK, July 2014. Pp. 442–449.

Об авторе:

Алексей Александрович Токарев – к. полит. н., старший научный сотрудник Центра глобальных проблем Института международных исследований МГИМО МИД России. E-mail: a.tokarev@inno.mgimo.ru.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-03-12024 "Информационно-аналитическая система 'Индекс Евразии'"

UKRAINIAN ELITES DISCOURSE IN RESPECT OF THE DONBASS TERRITORY AND POPULATION OF 2009-2018: ANALYSIS OF THE NATIONAL FACEBOOK SEGMENT

A.A. Tokarev
DOI 10.24833/2071-8160-2018-6-63-194-211

Institute for International Studies of MGIMO–University

Abstract: The conflict in the South-East Ukraine has acquired a protracted character, primarily due to the lack of consensus among key players. Ukrainian elites and society have not formed a consolidated position in relation to the Donbas. The study attempts to answer the question: what are the specifics and dynamics of the Ukrainian elites' discourse in relation to the Donbas over the past 10 years?

The aim of the study is to analyze the semantics, frequency and emotionality of the two major discourses – in relation to the population and the territory of Donbas – using the analysis of the national Facebook segment. This work proceeded in several stages: from November 2016, when my colleagues and I began brainstorming, until May 2018, when the final sched-

ules were obtained: the allocation of opinion leaders in the social network, downloading their posts from January 1, 2009 to February 15, 2018, the isolation from the discourse of posts devoted to the Donbas, the creation of a vocabulary that allows differentiating discourses according to the degree of their emotionality, an assessment of their frequency degree, an explanation of the discourses dynamics through event analysis.

The database consists of 653 662 739 characters in 7 languages from 1,069,687 posts of 376 Ukrainian Facebook top-bloggers, downloaded and analyzed using the information-analytical system «Semantic Archive». The results of the analysis show that, firstly, the «birth» of discourses about both the territory and the population is the 2013-2014 boundary. Before that, the frequency of mentioning the Donbas is zero. Secondly, unlike the territory in relation to the population there is a significant negative discourse, and it has slightly increased in relative degree after 2014, but has always existed.

Regarding the territory, on the contrary, the hatred discourse is absent. The neutral discourse dominates this agenda. At the very beginning of the period under review, it displaces positive discourse, showing how great is the uncertainty with regard to the territory, maintaining its relative share, beginning in January 2011. The number of positive and negative discourses in relation to the territory is a multiple of that for the population, which allows to draw conclusions about the high degree of uncertainty of elites in relation to the territory and the low probability of the transition of this neutral discourse into positive ones.

Key words: social networks analysis (SNA), Facebook, Ukraine, conflict, Donbass, sentiment analysis, content analysis.

References

1. Azarov A.A. Brodovskaya E.V. Dmitrieva O.V. Dombrovskaya A.Yu., Fil'chenkov A.A. Strategii formirovaniya ustanovok protestnogo povedeniya v seti internet: opyt primeneniya kiberneticheskogo analiza (na primere evromajdana, noyabr' 2013 g.) [Strategies for the formation of attitudes of protest behavior in the Internet: the experience of using cybermetric analysis (using the example of Euro-Maidan, November 2013)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, 2014, no. 3, pp. 36 – 74 (in Russian).
2. Batura T.V. Metody analiza komp'yuternykh social'nykh setei [Methods for analyzing computer social networks]. *Vestnik NGU. Seriya: Informatsionnye tekhnologii*, 2012, vol. 10, no. 4, pp. 13–28 (in Russian).
3. Korshunov A. Analiz social'nykh setei: metody i prilozheniya [Analysis of social networks: methods and applications]. *Trudy Instituta Sistemnogo Programirovaniya RAN*, 2014, no.1, pp. 439–456 (in Russian).
4. Lysenko M.V., Davydov A.A. Yegipetskaya revolyutsiya v Tvitтере – bezmasshtabnaya set? [Egyptian revolution on Twitter]. *Sistemnyy monitoring globalnykh i regionalnykh riskov: Arabskaya vesna 2011* [System monitoring of global and regional risks: Arab Spring 2011]. Moscow, LKI Publ., 2012. Pp. 307 – 312. (In Russian)
5. Maltseva D.V. Setevoy podkhod kak fenomen sotsiologicheskoy teorii [Network approach as a phenomenon of sociological theory]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018, no. 4, pp. 3 – 14. (In Russian)
6. Nigmatullina K.R., Bodrunova S.S. Metodika kachestvennogo analiza diskussiy v Twitter [Method of qualitative analysis of discussions in Twitter]. *Mediascope*, 2017, iss. 1. Available at: <http://www.mediascope.ru/2293> (Accessed: 08.07.2018). (In Russian).
7. Pakhalyuk K. Chto znachit izuchat politicheskii diskurs? Nekratkiy obzor teorii i metodov [What does it mean to study political discourse? Nekratky review of theories and methods] *Gefter*, 18.05.2018. Available at: <http://gefter.ru/archive/24982> (Accessed: 01.12.2018). (In Russian).
8. Balci Ş., Gölcü A. The Role and Impacts

- of Social Media in Social Movements: “Example of the Arab Spring”. *The Asian Conference on the Social Sciences 2013. Official Conference Proceedings*, May 2013, Osaka, Japan, pp. 269-281.
9. Bohdanova T. Unexpected revolution: the role of social media in Ukraine’s Euromaidan uprising. *European View*, 2014, vol. 13, pp. 133–142.
 10. Etling B. Russia, Ukraine, and the West: Social Media Sentiment in the Euromaidan Protests. *Berkman Center Research*, 2014, no. 2014–13. 14 p. DOI: 10.2139/ssrn.2501761
 11. Goroshko O. Leaders 2.0 through Crisis Communications in Ukraine: Or Facebook in Use. *Chorzowskie Studia Polityczne*, 2014, no. 8, pp. 177–197.
 12. Khondker H.H. Role of the New Media in the Arab Spring. *Globalizations*, 2011, vol. 8, no. 5, pp. 675–679.
 13. Lim M. Clicks, Cabs, and Coffee Houses: Social Media and Oppositional Movements in Egypt, 2004–2011. *Journal of Communication*, 2012, no. 62, pp. 231–324.
 14. MacDuffee Metzger M., Joshua A. Tucker Social Media and EuroMaidan: A Review Essay. *Slavic Review*, 2017, vol. 76, no. 1, pp. 169–191. DOI: 10.1017/slr.2017.16
 15. Minakov M. Novorossiya and the Transnationalism of Unrecognized Post-Soviet Nations. *Transnational Ukraine? Networks and Ties that Influence(d) Contemporar Ukraine*. Ed. by T.Beichelt, S.Worschech. Stuttgart, Ibedem Publ., 2017. Pp. 68-88.
 16. Lutsevych O. *How to finish a revolution: Civil society and democracy in Georgia, Moldova and Ukraine*. Chatam House Publ., 2012. 20 p.
 17. Onuch O. EuroMaidan Protests in Ukraine: Social Media Versus Social Networks. *Problems of Post-Communism*, 2015, vol. 62, no. 4, pp. 217–235.
 18. Pashakhin S. Topic Modeling for Frame Analysis of News Media. *Proceedings of the AINL FRUCT 2016*. Pp. 103-105.
 19. Ronzhyn A. The use of Facebook and Twitter During the 2013–2014 Protests in Ukraine. *Proceedings of the European Conference on Social Media*. Ed. by Rospigliosi A., Greener S. Brighton, UK, July 2014. Pp. 442-449.

About the author:

Alexey A. Tokarev – PhD in Political Science, Senior Research Fellow at Center for Global Issues, Institute for International Studies of MGIMO–University.
E-mail: a.tokarev@inno.mgimo.ru.

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 17-03-12024“ Information and Analytical System “Eurasia Index”